

Печати войсковой старшины Черноморского казачьего войска конца XVIII века

В отечественной историографии содержание термина «войсковая старшина» жестко не фиксировано и трактуется исследователями по-разному. В одних случаях речь идет о высшем руководстве казачьего войска, в другом – обо всех должностных лицах, имеющих чины, какие-либо звания и должности.

Более того, сами казаки «Верного войска» (названного в декабре 1788 г. «Войском верных казаков Черноморских») не очень ясно представляли себе, кого же следует включать в состав «войсковой старшины». С февраля 1788 г. войско готовило ежемесячные отчеты для Главного дежурства 3-й дивизии Екатеринославской армии [1]. Проанализировав эти отчеты, мы выделили три интересные особенности.

Во-первых, войсковой атаман ни в одном из рапортов Коша не включен в состав войсковой старшины. Он всегда сам по себе занимает первую строчку. Во-вторых, в состав войсковой старшины первоначально входили войсковые есаул, писарь, хорунжий. С июня 1788 г. войсковой хорунжий «исчезает» из рапортов. В-третьих, и это самое удивительное, в отчетах вообще не упоминается войсковой судья.

Учитывая приведенные обстоятельства, мы решили оперировать понятием «войсковая старшина» в значении, известном нам по Запорожские Сечи: кошевой атаман, кошевой судья, кошевой писарь и кошевой есаул» [2]. Все эти четыре должностных лица входили в военно-административную структуру Черноморского войска и лишь назывались «войсковыми».

В документах Государственного архива Краснодарского края нам удалось разыскать печати-оттиски трех высших руководителей Черноморского казачьего войска: атамана З. Чепеги, войскового судьи А. Головатого и войскового есаула М. Гулика. Печати эти логично разбить на две группы. Печать атамана выполнена с соблюдением геральдических правил того времени. В ней использованы геральдические фигуры, обязательно применявшиеся при составлении гербов, композиция построена в строгой симметрии.

Печать З. Чепеги

Печати А. Головатого и М. Гулика – продукт «самодеятельного герботворчества». Содержание их обусловлено больше казачьими традициями и личными вкусами, нежели геральдическими канонами. Они более самобытны и, в определенном смысле более интересны. Эмблемы на них более образны и символичны – что, кстати, затрудняет их интерпретацию (в первую очередь это относится к печати А. Головатого).

Печать З. Чепеги выполнена в форме овала размером 32x27 мм [3]. Центральную ее часть занимает щит, представляющий одну из форм геральдических щитов немецкого типа. В нем изображены перекрещенная стрела и сабля (стрела острием вверх). Над щитом – дворянская корона с пятью зубцами, завершающимися жемчужинами и тремя

страусовыми перьями. По сторонам короны – инициалы: «З» и «Ч». С правой стороны щита два ниспадающих знамени, с левой – вставший на дыбы конь (единорог?). К нижней части щита «подвешен» Георгиевский крест. По его сторонам из-под щита выходят казенные части орудийных стволов. Рядом с ними два предмета, не поддающиеся идентификации (на других личных печатях этого времени рядом со стволом обычно изображаются какие-то артиллерийские принадлежности, или же – литавры, что нам представляется более вероятным).

Семантика этой сцены достаточно ясна. Она скомпонована из военных атрибутов и свидетельствует об успехах владельца печати на боевом поприще.

Печать А. Головатого

Печать войскового судьи Антона Андреевича Головатого также овальной формы размером 30x27 мм [4]. Всю левую половину печати А. Головатого занимает изображение казака, одетого в широкие шаровары (резко суживающиеся в районе колен), короткую куртку и грушевидной формы головной убор с узким околышем (вероятнее всего, на голове казака показана «крымская шапка»; еще ее называли «шапка-татарка»). В левой руке он держит знамя с двумя косицами (хвостами) и с крестом на полотнище, в правой – ружье. Иконография казака, на наш взгляд, практически полностью заимствована с войсковой печати 1788 г.

Вторую половину печати заполняет ряд эмблем. В верхней части расположена сердцеобразная фигура. По мнению украинского исследователя О.А. Однороженко, сердце в казачьей геральдике символизировало шляхетность и военную доблесть [5]. По обе стороны от сердца находятся два четырехконечных креста с расширяющимися концами. Не очень понятные завитки, отходящие от верхних лучей крестов, по-видимому, представляют собой попытку изобразить орденские ленты. Вне всякого сомнения, перед нами награды войскового судьи: знак ордена Св. Георгия 4-й степени и знак ордена Св. Владимира 3-й степени. По сторонам крестов вырезаны две буквы «А» и «Г», означающие «Антон Головатый».

Под сердцем находится крайне схематичное изображение военной лодки XVIII в., с развивающимся на высокой мачте брейд-вымпелом. Напомним, что войсковой судья А.А. Головатый длительное время являлся командиром казачьей гребной флотилии.

Печать М. Гулика

Печать Мокия Семеновича Гулика, несколько раз назначавшегося войсковым есаулом, очень лаконична и образна. На ней изображено небольшое одномачтовое судно с двумя флагами. Изображение канонерской лодки (а именно из них была составлена казачья гребная флотилия) попало на печать М. Гулика вовсе не случайно – он командовал одной из частей флотилии (флотилия делилась на «части», которые возглавляли так называемые «частные командиры»). [6].

В центре судна изображена непропорционально большая фигура казака, держащего в руке булаву или пернач. Вероятнее всего, это изображение самого владельца печати. По сторонам мачты вырезаны буквы «М» и «Г». На корме лодки у румпеля сидит рулевой казак.

Печати З. Чепеги и А. Головатого обнаружены нами в документах 1796 г. Наличие на печатях наградных крестов позволяет установить примерную нижнюю границу их изготовления. Грамота на пожалование З. Чепеге ордена Св. Георгия датирована 4 декабря 1792 г. Таким образом, печать вряд ли могла быть изготовлена ранее 1793 г.

Печать М. Гулика встречается на документах 1796-1799 гг. И, хотя рисунок на печати представляет собой отзвук его успехов на морском поприще в годы русско-турецкой войны 1787-1791 гг, она не могла быть изготовлена в те годы. Документы периода войны Мокий Гулик заверял малой войсковой печатью. Да и субординация не позволила бы изготовить ее раньше атамана и войскового судьи.

Грамоту на пожалованный в 1788 г. орден Св. Владимира 4-й степени М. Гулик получил 9 марта 1794 г. [7].

Таким образом, мы можем констатировать, что печати войсковой старшины Черноморского казачьего войска конца XVIII в. не являются только лишь знаком удостоверения документа. Набор эмблем и символов, изображённых на матрицах печатей, отражает и вкусы владельцев, и уровень их эрудиции. Печати репрезентируют социальный статус владельца; его претензии на шляхетство (дворянство), подчёркивают его личные положительные качества. Даже далёкие от геральдического канона сюжеты представляются владельцем как синоним его личного герба. Недаром А. А. Головатый в переписке употреблял выражение: «... с приложением герба моего печати».

Мы вполне уверены, что изучение сфрагистического материала (наряду с другими видами исторических источников) может существенно дополнить наши знания о ментальных представлениях войсковой элиты конца XVIII века.

Источники и литература:

1. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 16.
2. Українське козацтво: Мала енциклопедія. Київ – Запоріжжя. 2002. С. 73.
3. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 336-б. Т. 3. Л. 94.
4. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 336. Т.2. Л. 349.
5. Однороженко О.А. Геральдичні традиції українського козацтва//Історія українського козацтва. Київ, 2007. С. 181, 195.
6. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д. 19.
7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 273. Л. 22.